

ВВЕДЕНИЕ

Лингвистическая традиция — от античности до новейших версий генеративной грамматики — исходит из того, что каждое слово в языке является той или иной частью речи — существительным, глаголом, прилагательным и т.д. — и, соответственно, имеет свои, строго определенные «функциональные обязанности» и частеречное значение. Но существуют переходные явления — слова, имеющие форму одной части речи, а содержание — другой. В фокусе нашего исследования — имя действия, образованное от глагола: рус. *изучение, разработка, взятие, прыжок*; укр. *дослідження* ‘исследование’, *зліт* ‘взлет’; пол. *czytanie* ‘чтение’, *podenerwowanie* ‘волнение’, *docieranie* ‘достижение’ и т.д., то есть такое производное от глагола имя существительное, которое сохранило глагольное значение действия, процесса или состояния в одном или нескольких из своих лексических значений. В качестве основного наименования объекта исследования мы используем термин отглагольное имя действия (далее — ОИД).

Эта категория слов сочетает в себе свойства двух основных частей речи, высвечивая разные грани семантики имени и глагола. Как и все имена существительные, слова типа *размышление, разработка* или *прыжок* имеют общеграмматическое значение субстанциональности, стандартный набор грамматических категорий и синтаксических функций. В то же время они, несомненно, представляют собой особый тип существительных, обладая не только именными, но и глагольными свойствами: «значения действия, состояния, ...выражаемые этими именами, не соответствуют общему категориальному значению предметности, но подчиняются ему, принимая морфологические формы предметного имени, становясь «опредмеченным»

наименованием — все же действия, состояния...» [Золотова 1982: 126].

Традиция резкого разграничения категорий имени и глагола берет начало еще в древнеиндийских и античных грамматиках (см., об этом, например: [Десницкая, Кацнельсон 1980: 70, 88, 171–174]), однако для современного языкознания больше характерна идея неправомерности их абсолютного противопоставления и отсутствия между ними непреходимой грани. Это подтверждается, в частности, фактами языков Северной Америки, в которых формальные различия между именем и глаголом менее выражены: О. Есперсен указывает на временные (!) различия в существительных эскимосского языка, например, «ningla „холод, мороз“ имеет форму прошедшего времени ninglithluk и форму будущего времени ninglikak», а также на другие подобные факты: «суффикс -neen в атапаскском языке (хупа) обозначает форму прошедшего времени как у существительных, так и у глаголов; ср. xontaneen „дом в развалинах“, xoutneen „его покойная жена“» [Есперсен 1958/2006: 330]. Есть языки, в которых имена существительные имеют регулярные типично глагольные категории времени, аспекта и модальности. В частности, Л. Леисиё описывает функционирование таких категорий, как именное будущее время, именное прошедшее время и именное будущее в прошедшем в нганасанском и других северносамодийских языках, привлекая к исследованию широкий языковой материал [Леисиё 2014]. Более того, уже составлены первые типологические описания именных категорий времени, аспекта и модальности в языках мира: в работах [Nordlinger, Sadler 2004; Tonhauser 2007] указывается 15 языков, в том числе тундровый ненецкий, гуарани, сомали. Вяч. Вс. Иванов, размышляя о ряде фактов совпадения именных и глагольных форм (и, соответственно, о проблематичности разделения имени и глагола) в алеутском и других языках Нового Света и Евразии, высказывает предположение, что «к раннему общечеловеческому <...> способу языкового описания и понимания внешнего мира были приспособлены языковые средства, по преимуществу связанные с (конкретными) глаголами <...> Вычленение особых способов обозначения предметов могло осуществляться путем образования отглагольных имен, т. е. номинализации». Последующее усиление грамматического противопоставления имени существительного и глагола ученый связывает, в частности, с форми-

рованием специальных языков науки и ростом роли левополушарных механизмов [Вяч. Вс. Иванов 2004: 51–59].

Существует мнение, согласно которому имя существительное — «неотмеченная категория среди частей речи», «открытая область», не имеющая грамматических запретов, мешающих «прийти и обжиться» в этой области любому слову: «существительное никаким грамматическим кругом значений не ограничено» [Панов 1999: 164–165], чем, на наш взгляд, прямо утверждается потенциальная возможность выражения в именной форме любой грамматической семантики; и аргументы, приводимые М. В. Пановым в защиту этой точки зрения, весьма убедительны¹. Однако изучение особенностей славянских отглагольных имен действия заставляет сомневаться в столь полной «открытости» существительного.

В процессе речи коммуникативно важные смыслы получают наиболее полную эксплицитную реализацию, менее значимые понижаются в ранге, их пропозициональные структуры редуцируются. Этот языковой механизм М. Бергельсон и А. Кибрик назвали прагматическим принципом Приоритета, подчеркнув, что приоритетные стратегии речевой деятельности оказывают заметное влияние на форму грамматики естественных языков [Бергельсон, Кибрик 1981: 354]. Конструкции с отглагольными именами действия являются одним из таких удобных средств редукции пропозициональной структуры. Само существование этого специфического разряда — отглагольного имени

¹ Приводим их кратко: «Б. В существительное можно превратить любое полнозначное слово... ББ. В парадигмах некоторых частей речи есть особые формы, приспособленные для превращения слов в существительные без изменения морфемного строения... БББ. Наконец, существует субстантивация различных не-существительных; любую грамматически полнозначную единицу можно превратить в существительное, меняя не ее состав, а некоторые аффиксы окружающих слов. Можно сказать: *Эти постоянные как-нибудь* <...> ББББ. Важнейшее свойство существительного заключается в том, что оно, меняя части речи у «завербованных» слов, может не изменять их основную (и основную) семантику. Оно принимает, но семантически не превращает. Глагол все готов сделать действием, прилагательное норвит все, принятое в свою власть, превратить в признак. Существительное обходится без этого <...> БББББ. Существительное ведет себя столь толерантно по отношению к словам, которые вовлекает в свою семью, что допускает им оставаться по своему значению такими, какими они привыкли быть до превращения в существительные <...> потому, что существительное — неотмеченная категория среди частей речи [Панов 1999: 164–165]. Автор формулирует следующие признаки неотмеченных единиц: неотмеченная единица 1) не отмечает в предмете названия определенных отличий; 2) может заменять отмеченную единицу; 3) имеет объем значения более широкий, чем отмеченная единица; 4) встречается в текстах чаще, чем отмеченная [там же: 168].

действия — детерминировано прагматикой²: намерением показать или, напротив, «спрятать» субъект и / или объект действия, экономией языковых усилий, компрессией содержания. Вступают в действие и стилистические факторы (желание придать высказыванию больше книжности, официальности), и языковая игра, и эмоциональное окрашивание высказывания и т. д. Важно то, что этот процесс сопровождается утратой определенных глагольных категориальных значений, упрощением семантики. Если согласиться с прагматическим принципом Приоритета, то следует признать, что в языках вырабатываются соответствующие средства, максимально приспособленные для реализации приоритетных стратегий в речи. При этом в процессе реализации речевой интенции в разных языках одни и те же смысловые компоненты, упорядочиваясь, приобретают разный статус: выделенный грамматический или периферийный. Это зависит как от навязанных языком структур, так и от выбора говорящего. Это значит, что наиболее значимые смыслы — и в общезыковом плане, и в плане конкретного речевого акта — получают полную, развернутую, эксплицитную реализацию (например, пропозиция выражается полным простым предложением), а менее важные — редуцируются, имплицитируются, грамматически и прагматически уходят на второй план (например, пропозиция выражается причастными или деепричастными оборотами, приглагольными и приименными определителями и т. д.). По словам И. Р. Выхованца, в речи постоянно работает механизм деривационной редукции, направленный на конденсацию

² Во вступительной статье к сборнику «Новое в зарубежной лингвистике» (1985) Е. В. Падучева и Н. Д. Арутюнова писали о том, что область лингвистической прагматики не имеет четких контуров. Единого подхода к толкованию этого термина в лингвистике не существует и сегодня. Не углубляясь в анализ его современных интерпретаций, заметим очевидное: при попытке разделить семантическое и прагматическое неизбежно возникает проблема: далеко не всегда можно четко отличить то, ЧТО говорит человек, от того, ЗАЧЕМ он это говорит. Разделение семантики и прагматики само по себе достаточно условно (особенно если мы говорим о прагматике с точки зрения говорящего), — скорее, можно говорить о прагматическом компоненте (аспекте) семантики. По этому поводу ср. также: «В семантическом представлении высказывания должна отражаться вся информация, имеющая отношение к правильной интерпретации этого высказывания. В связи с этим противопоставление семантики и прагматики нам кажется неправомерным» [Бергельсон, Кибрик 1981: 350]. Если все же попытаться разделить и противопоставить эти понятия, то семантика неизбежно сужается до референции к ситуации, прагматика же остается остальная область значений. Именно в таком понимании — чтобы не загромождать текст дополнительными рассуждениями — мы и будем употреблять термины «семантика» и «прагматика» в дальнейшем изложении.

высказывания без существенных потерь смысла [Вихованець 1988: 134]. Прагматический компонент появляется тогда, когда появляется выбор, когда употребление той или иной языковой формы — интенционально. Мы можем сказать «*рабочие строят дом*», «*дом строится*», «*строя дом*», «*стройка дома*» — выбор конструкции зависит от коммуникативной цели, фокуса внимания. Выбора может не быть там, где он реально есть, только в том случае, когда говорящий не знает о существовании другого, синонимичного средства³. В случае с девербативом такой вариант сомнителен: носитель языка, делающий выбор в пользу именной формы выражения предиката, вряд ли может не знать о существовании соответствующего глагола. Поэтому представляется закономерным следующее мнение: «Транспозиция находит свое место в рамках проблемы интенциональности, которая, по отношению к грамматическим категориям, понимается как связь семантических функций грамматических форм с намерениями говорящего» [Ремчукова 1997: 155]. Но если так, то возникают вопросы: почему употребительность отглагольных имен в русском, украинском и польском языках — разная? Почему носители одного языка «хотят», а носители другого — «не хотят» их часто использовать? Позволим себе высказать следующее предположение на этот счет.

Прагматически мотивированный процесс номинализации глагола сопровождается явно выраженными семантическими изменениями. Гибридный характер имен действия порождает ряд вопросов в отношении категориальной семантики: является ли девербатив глагольной формой, какие глагольные категории сохраняет, а какие утрачивает, как влияет редукция глагольности на функциональные свойства имен и пр. Отглагольные имена действия в русском, украинском и польском языках, как и все имена существительные, имеют стандартный набор именных грамматических категорий и синтаксических функций, но в то же время сохраняют ряд грамматических дифференциальных признаков мотиватора. Однако «глагольность» сохраняется в них в разной степени.

В русском языке образование имен действия, во-первых, нерегулярно, во-вторых, сопровождается нейтрализацией и конденсацией важных семантических компонентов, и даже лингвисты, занимающие

³ Например, при афазии: невозможность осуществить такой выбор является следствием речевого расстройства. См.: [Воейкова 2009: 86–95].

радикальную позицию и причисляющие русский девербатив к формам глагола, признают отсутствие у него грамматического времени и модальности: «Девербатив как субстантивная форма глагола объективирует в сознании глагольный признак безотносительно к модально-временным его проявлениям...» [Шарандин 2001: 153]. Семантика вида и залога в русских отглагольных именах также сильно нейтрализована, лишена регулярных формальных показателей и, как следствие, статуса грамматической категории. Нейтрализация залоговых значений иллюстрируется простейшим примером:

- (1) *Последний эпизод — покупка билетов — произошел молниеносно (Л. Улицкая) = ...когда покупали билеты = ... когда покупались билеты.*

Нейтрализация видовых значений иллюстрируется аналогично:

- (2) *Предчувствуя наступление холодов, москвичи готовятся к покупке осенних обновок [Дорогая моя столица (1997) // «Столица», 1997.09.02]⁴ = ...готовятся покупать... = ...готовятся купить...*

Не стоит, однако, думать, что такие формальные и семантические изменения являются необходимым следствием перехода глагола в имя существительное, поскольку даже в близкородственном украинском языке ситуация иная: украинское имя действия образуется с большей регулярностью, чем в русском языке, и во многих случаях сохраняет формальную и семантическую коррелятивность с обоими членами видовой глагольной пары (*вивчання — вивчення* ‘изучение’). Украинские грамматики не относят имя действия к парадигме глагола, а вопрос о категории вида у отглагольных существительных в украинском языке является дискуссионным; тем не менее, в любом современном учебнике по украинской научно-технической или деловой речи обязательно найдутся рекомендации по употреблению отглагольных существительных в соответствии с видом мотивирующего глагола. Например, в одном из наиболее удачных и пользующихся спросом справочников для ученых, которые хотят усовершенствовать свое владение научным стилем украинской речи — «Сам собі редактор» Н. Ф. Непийводи, — читаем: «Когда идет речь о восприятии как процессе, который еще не закончился, употребляют термин, который образован от глагола несовершенного вида — *сприймання*, когда же характеризуется процесс в целом, как целостное явление, отдают

⁴ Примеры, паспортизация которых приведена в квадратных скобках, извлечены из Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorgora.ru).

предпочтение существительному *сприйняття*» (перевод наш. — Е. П.) [Непийвода 1996: 10] — то есть речь идет, по сути, о последовательной дифференциации парных девербативов по видовому показателю⁵. Такая дифференциация отмечается и при употреблении девербативов в украинской художественной речи, ср.: *Я малюю їй найбільш безнадійні хмарні картини, які доводять мене самого мало не до щирого роздратовання*» (В. Винниченко) — ‘Я рисую ей самые безнадежные мрачные картины, которые доводят меня самого едва ли не до искреннего раздражения’ — *«Це не життя, а безпотрібне, безладне витрачання часу і постійне дратування»* (В. Винниченко) — ‘Это не жизнь, а бессмысленная, беспорядочная трата времени и постоянное раздражение’.

В польском языке почти от любого глагола можно образовать имя существительное со значением действия или состояния⁶, и при этом частеречном переходе сохраняется большая часть глагольных категориальных значений: вид, залог, возвратность, основное управление, способность иметь обстоятельства. Правда, прагматические параметры отглагольных имен действия в польском языке выражены менее ярко, — они более привычны, более «нормальны» в речи, чем, например, соответствующие образования в русском языке:

(3) *Kto wydał rozkaz strzelania?* — *Кто приказал стрелять?* — **Кто отдал приказ стреляния (стрельбы)?*

(4) *Biegliśmy, aż do wyschnięcia* — *Мы бежали, пока не высохли.* — **Мы бежали аж до высыхания.*

Это подтверждается и количественным анализом переводов польских текстов, содержащих отглагольные имена действия, на русский язык: по данным Ю. Н. Федоровой, только половина отглагольных имен (47,4 %) переводится на русский язык аналогичными отглагольными образованиями. В остальных случаях переводчик избирает инфинитив (20 %), личные формы глагола (6 %), причастия и деепричастия (5 %) и другие способы перевода [Федорова 2006].

Итак, сам переход глагола в отглагольное имя действия, то есть процесс номинализации глагола, не предполагает ни обязательной утраты всех глагольных категорий, ни автоматического «погашения» глагольных значений. В таком случае возникает вопрос,

⁵ Детальнее этот вопрос рассматривается в главе 3.

⁶ См. об этом в главе 4.

почему русские имена действия, по сравнению с украинскими и польскими, по крайней мере на первый взгляд, сохранили меньше глагольных свойств. Ответ на этот вопрос связан с аспектуальными свойствами глаголов, от которых образуются имена действия в конкретном языке.

Очень важным компонентом значения любого глагола является его аспектуальная семантика, то есть характеристика действия по признаку процессуальности, повторяемости, результативности, законченности и т.д. В какой степени существительное, образованное от глагола и имеющее значение действия или состояния, способно сохранять эти глагольные аспектуальные («видовые») свойства? С одной стороны, известно, что в русском языке эта категория слов гораздо более «аспектуально универсальна», чем глагол [Падучева 2014: 3; Пазельская 2003: 85; Зализняк 2007: 45 и др.]: в ряде случаев одно и то же отглагольное имя действия может употребляться как в контекстах, соответствующих ситуациям употребления глагольного совершенного вида, так и в контекстах, соответствующих ситуациям употребления глагольного несовершенного вида, причем независимо от формальной словообразовательной связи с глаголом определенного вида. Это легко проверяется с помощью трансформации в соответствующие глагольные конструкции⁷:

(5) *В конце декабря Громов был задержан сотрудниками ГУБЭПа во время совершения сделки в офисе на Ленинском проспекте в Москве.*

⁷ Метод трансформации в конструкции с глаголом используется для диагностики значения отглагольных имен в большинстве работ, посвященных именам действия, в частности в работах [Есперсен 1958/2006; Лиз 1960; Падучева 1991]. Принцип его заключается в замене имени действия соответствующим глаголом, которая сопровождается минимально необходимыми изменениями формальной структуры фразы при максимально полном сохранении всех ее семантических особенностей, ср. пример из [Есперсен 1958/2006: 155]: *Чрезвычайно быстрое прибытие доктора и необычайно внимательный осмотр пациентки привели к ее очень быстрому выздоровлению и Доктор прибыл чрезвычайно быстро и осмотрел пациентку необычайно внимательно: она выздоровела очень скоро.* В приведенном примере, как и в большинстве других случаев, мы можем заменить отглагольное имя действия только глаголом определенного вида, в данном случае СВ, что можно проверить с помощью фальсификации: конструкция с глаголами НСВ типа **Доктор прибывал чрезвычайно быстро и осматривал пациентку необычайно внимательно: она выздоравливала очень скоро* возможна, но она не соответствует аспектуальному значению исходной фразы, поскольку в данной конструкции идет речь уже не об одной завершенной ситуации, а о целом ряде таких повторяющихся ситуаций. Правда, в некоторых случаях конструкция с именем действия может быть истолкована двояко [Арутюнова 1980: 182; Падучева 1991: 23]. Тогда — в контексте исследуемой темы — мы говорим об аспектуальной многозначности отглагольного имени действия.

[В. Демченко, Е. Яровикова. Якутов чуть не разорили (2002) // «Известия», 2002.01.10] = ...когда **совершал** (НСВ) сделку;

(6) *Первый раз офсетные сделки по своему счету на РТСС Вы увидите на четвертый день **после совершения** сделки* [Коллективный форум: RTS Standard в Финаме: новые возможности на рынке (2010-2011)] = ...после того, как **совершите** (СВ) сделку.

С другой стороны, невозможно назвать отглагольное имя аспектуально индифферентным. Замена в примере (7а) одного имени действия на другое при сохранении всех остальных элементов приводит к изменению аспектуальной характеристики фразы в (7б):

(7) (7а) *Медицинская модель исходит из того, что инвалидность — проявление заболевания, которое нужно лечить, а если **излечение** невозможно, пациентам надо помочь выжить, создавая для них специализированные учебные заведения, предприятия и санатории* [А. Прийдак. Поверх барьеров // «Огонек», 2014] = ...а если **излечить** (СВ) невозможно... (процесс не подвергается сомнению, смысловой акцент — на оценке возможности его результата).

(7б) ... *Медицинская модель исходит из того, что инвалидность — проявление заболевания, которое нужно лечить, а если **лечение** невозможно = ... если **лечить** (НСВ) невозможно... (при таком употреблении смысловой акцент — на оценке возможности самого процесса).*

При попытке разобраться в том, какие именно аспектуальные значения может выражать отглагольное имя действия и от чего это зависит, мы сталкиваемся с целым рядом интересных особенностей. Прежде всего с тем, что в русском языке, в отличие от других славянских языков (украинского, польского, чешского и др.), имена действия по каким-то причинам образуются далеко не от всех глаголов: по нашим подсчетам, приблизительно от каждого 6-го глагола. В украинском языке отглагольных имен действия почти в два раза больше, чем в русском, а в польском имя действия вообще считается регулярной отглагольной формой. Отчасти это положение дел объясняется тем, что в русском языке практически утрачены видовые формы отглагольных имен: «видовых пар» типа *выздоровление — выздоравливание, всплытие — всплывание, гашение — погашение* насчитывается всего около 350, и даже в случае сохранения таких «пар» речь не идет о действительной грамматической видовой парности имен действия, поскольку различие между ними во многих случаях является чисто лексическим. Показательный пример: *рассматривание — рассмотрение*, где первое

слово преимущественно выражает конкретное значение физического процесса (*рассматривание деталей картины*), а второе чаще употребляется в более абстрактном значении «разбирательство, разбор чего-либо с последующим вынесением решения» (*рассмотрение дела в суде*)⁸.

В украинском языке, согласно данным словарей, более чем у половины отглагольных имен есть корреляты, которые различаются только аспектуальными значениями при более или менее полной общности лексического значения, ср.: *зволоження* ‘увлажнение’ «1. Дія за значенням зволожити. 2. Стан за значенням зволожитися» [СУМ, т. 3: 495] — ‘1. Действие по значению увлажнить. 2. Состояние по значению увлажниться’; *зволожування* ‘увлажнение’ «1. Дія за значенням зволожувати и зволожуватися» [СУМ, т. 3: 495] — ‘1. Действие по значению увлажнять и увлажняться’. Обращение к поисковой системе Google на первой же странице выдает примеры употреблений не только в соответствии с видом мотивирующего глагола, но и в типичных частновидовых значениях:

⁸ МАС дифференцирует значения этих ОИД только по признаку вида мотивирующего глагола: «РАССМАТРИВАНИЕ — действие по знач. глаг. рассматривать», «РАССМОТРЕНИЕ — действие по знач. глаг. рассмотреть» [МАС, т. 3: 664–665]. Значения соответствующих глаголов: «РАССМОТРЕТЬ 1. Всматриваясь, увидеть, разглядеть. 2. Смотря, глядясь, ознакомиться с чем-л. 3. Разобрать, обдумать, обсудить (обычно с целью оценки или принятия решения); РАССМАТРИВАТЬ *Несов.* к рассмотреть (во 2 и 3 знач.) <...> [МАС т. 3: 664–665]. Однако обращение к данным НКРЯ дает другие результаты: для ОИД *рассматривание* очевидно преобладание употреблений в глагольных значениях 1 и 2. Например, запрос в корпусе употреблений слова *рассматривание* в форме И.п. ед. ч. дает 94 вхождения, из них 89 имеют значение физического процесса (поскольку омонимия не снята, анализ значений производился вручную, дата обращения 20.02.2016), типичный пример: *Целый час был посвящен только на одно рассматривание лица в зеркале* [Л. Кабо. Наедине с другом. Беседы (1985)]. Для ОИД *рассмотрение* преобладает употребление в значении 3, типичный пример: *Соответствующий проект постановления правительства РФ министерство направило на рассмотрение ведомств* [Общество вкратце // «Однако», 2009]. Поскольку для этого ОИД омонимия в НКРЯ не снята, а количество вхождений велико (только в форме И.п. — 2 897), мы проверили вручную первые 200 вхождений, среди них в значении физического процесса (значения 1 и 2) обнаружили только одно (!). Приведем его: *Если можно так выразиться по аналогии, для меня это было как рассмотрение картин художника и откровение о нем через его картины* [митрополит Антоний (Блум). О вере, образовании, творчестве (1993)]. Все остальные 199 вхождений — употребления в значении 3. Поиск некоторых сочетаний, типичных для значения 3, дал следующие результаты: *рассмотрение дела / дел* (расстояние от 1 до 5) — 330 вхождений, *рассмотрение вопроса / вопросов* — 156 вхождений, *рассмотрение проблемы / проблем* — 29 вхождений, *рассмотрение судом / суда* (расстояние от 1 до 5) — 214 вхождений, *рассмотрение проекта / проектов* (расстояние от 1 до 5) — 40 вхождений и т. п. (дата обращения 06.03.2016). Все это дает основания утверждать, что члены пары *рассматривание* — *рассмотрение* различаются лексическими значениями и не являются аспектуальной парой.

(8) *Ультразвукове зволоження шкіри у місті Рівне можна зробити в медичному центрі «Медлайф». <...> В результаті шкіра стає зволожена, більш пружна...* [Режим доступа: <http://medlife-rivne.com/procedures/ultrazvukove-zvolozhennia-shkiry>] — ‘Ультразвуковое увлажнение кожи в городе Ровно можно сделать в медицинском центре «Медлайф» <...> В результате кожа становится увлажненной, более упругой...’ — конкретно-фактическое значение СВ (ожидаемого результата, элемент общенности конкретно-фактического значения (ОИД) упореблен нереферентно) в данном случае несуществен).

(9) *Машину А1-БШУ-2 застосовують на етапі основного зволоження (семян. — Е.П.), а на етапі дозволювання перед подачею зерна в розмільне відділення — А1-БШУ-1* [Режим доступа: <http://leksii.org/3-28954.html>] — ‘Машину А1-БШУ-2 используют на этапе основного увлажнения, а на этапе доувлажнения перед подачей зерна в молотильное отделение — А1-БШУ-1’ — узуальное значение НСВ.

При этом следует отметить, что употребление ОИД только в значении «своего вида» в современном украинском языке не является жесткой нормой, и в корпусе и других источниках обнаруживаются примеры с противоположной аспектуальной семантикой; этот вопрос будет детально рассмотрен в Главе 3.

Польские отглагольные имена действия регулярно сохраняют глагольные показатели не только вида, но и залога. Например, глаголам *ostudzić* ‘остудить’ — *ostudzać* ‘остужать’ — *ostudzić się* ‘остудиться’ — *ostudzać się* ‘остужаться’ соответствуют четыре ОИД: *ostudzenie* — *ostudzanie* — *ostudzenie się* — *ostudzanie się*. Поэтому часто одному русскому отглагольному имени действия соответствует два в украинском языке и четыре — в польском: рус. *повторение* — укр. *повторення / повторювання* — пол. *powtórzenie / powtórzenie się / powtarzanie / powtarzanie się*.

Есть и другие усложняющие факторы. Так, от одного русского глагола с помощью разных словообразовательных суффиксов может быть образовано два, три или четыре имени действия: например, глагол *разливать* служит словообразовательной базой для имен действия *разливание, разлив, разливка, розлив* [МАС, т. 3: 72, 611]. В украинском и польском языках такое тоже возможно, например: укр. *розливання, розлиття, розлив*; пол. *rozlanie, rozlewanie, rozlew*. Но, как будет показано в соответствующих главах, таких словообразовательных гнезд в польском и украинском языках меньше, чем в русском.

Еще больше запутывает ситуацию то, что одно имя действия в русском языке может семантически соотноситься сразу с несколькими глагольными формами, например: «**РАЗЛИВ**. Действие по знач. глаг. разлить — разливать (во 2 знач.). Разлив вина. Разлив металла. 1. Действие и состояние по знач. глаг. разлиться — разливаться (во 2 и 3 знач.). Разлив реки...» [МАС, т. 3: 611]. В украинском и польском языках такие ситуации являются, скорее, исключением (в польском еще реже, чем в украинском), чаще это касается ОИД с нулевыми суффиксами или с суффиксом -к(а). В норме отглагольное имя действия на -ння (-nie) в этих языках соотносится с глаголом определенного вида, например: укр. розливання 'разливание' «1. Дія за знач. розливати» [СУМ, т. 8: 725]; пол. rozlewanie приводится в словарной статье глагола rozlewać 'разливать' [USJP]. Но ср.: укр. розлив 'разлив' «1. Дія за знач. розлити, розливати» [СУМ, т. 8: 724]. Редко, но возможно и для ОИД на -ння: присудження 'присуждение' «Дія за знач. присудити, присуджувати» [СУМ, т. 3: 495]. В польском языке подобные случаи есть, но их мало, и диагностируются они косвенно, исходя из словарного толкования: rozdział 'раздел' «2. Dzielenie czego na części, wynik tego dzielenia» [<http://doroszewski.pwn.pl/haslo/rozdzial/>] — 'деление чего-либо на части, результат этого деления'. О соотношении некоторых польских ОИД с глаголами обоих видов см. также [Puzynina 1969: 36].

Но даже если русское отглагольное имя словообразовательно соотносится только с одним глаголом определенного вида, это все равно не дает возможности точно предсказать «аспектуальное поведение» имени в тексте. Например, существительное *завоевание* имеет следующее словарное толкование: «1. Действие по знач. глаг. завоевать. *Завоевание Северного полюса* <...>» [МАС, т. 1: 504] — то есть вроде бы должно проявлять в речи перфективные свойства. Однако проверка в НКРЯ дает неоднозначные результаты. Запросы был сформулирован таким образом, чтобы интересующее нас отглагольное имя действия, благодаря сочетанию с различными темпоральными наречиями или предлогами, выражало явно перфективное или явно имперфективное значение⁹: 1) «*после завоевания*» = 'после того, как завоевали (СВ)' и 2) «*во время завоевания*» = 'во время того,

⁹ Об этих и других диагностических контекстах для отглагольных имен действия см. [Падучева 1991: 26–27], а также параграф 2.3. в этой книге.

как завоевывали (НСВ)'. Первый вариант («после завоевания») дал 71 вхождение, ср. типичный пример:

(10) *Спустя несколько лет после завоевания крестоносцами Иерусалима в Святую землю устремился широкий поток паломников [И. Сокольский. «Бедный рыцарь», он же «французский тост» (Заветрак на скорую руку) // «Наука и жизнь», 2008].*

Во втором сочетании («во время завоевания») интересующее нас имя действия встретилось в НКРЯ в 10 раз меньше: всего 7 вхождений, — и тем не менее, это вполне возможное для русского языка употребление:

(11) *Но самой дорогостоящей вещью на торгах, проданной анонимно за 200 тысяч евро, оказалась личная сабля Мурат-бея, верховного военачальника мамлюков, доставшаяся Наполеону во время завоевания Египта в 1798 году [Батистовая рубашка корсиканца (2002) // «Культура», 2002.03.25].*

Все это делает картину пестрой и неоднозначной. Возможно, именно поэтому проблема наличия категории вида в отглагольных именах действия давно и неоднократно привлекала внимание исследователей, причем точки зрения на этот вопрос высказывались прямо противоположные. Приведем несколько наиболее ярких цитат, иллюстрирующих полярные позиции и не требующих дополнительных комментариев.

I. Вид в русских отглагольных именах есть: «Категория вида присутствует у всех имен действия, независимо от их аффиксальной характеристики, а видовая семантика у отглагольных имен формируется не только — и не столько — с помощью глагольных аффиксов, сколько на основе семантической соотнесенности с определенным глаголом, а также средствами контекста» [Иванникова 1972: 115].

II. Вида в русских отглагольных именах нет: «Категории вида у отглагольных имен не существует и никогда не было, поскольку видовые пары нерегулярны» [Хохлачева 1969: 45—53].

III. Есть вид, но не у всех: «Ярко выраженное видовое значение (несовершенного вида) сохраняется лишь за существительными, образованными от глаголов с суффиксом -ыв- / -ив- (*расстегивание, отбрасывание, покашливание, развешивание* и т. п.), ср. также *обосновывание*» [Исаченко 1960/2003: 15].

IV. Есть что-то, но не вид: «Морфемы *-ва-*, *-ива-*, *-ыва-* (редко *-а-*) соотносительны с *-е(ни-)* и в системе существительных сохраняют значение кратности, длительности» [Виноградов 2001: 105].

Приведенные мнения были высказаны в третьей четверти XX в. Позднее для описания отглагольных имен с учетом их аспектуального компонента применялись различные подходы; в частности, в основу целого ряда интересных работ легла идея аспектуальных классов З. Вендлера [Падучева 1991; Чжан 2007; Пазельская 2003]. Е. В. Падучева, рассматривая эту категорию слов в лексикографическом ракурсе, выделила соответствующие таксономические подкатегории — аспектуальные классы отпредикатных имен: действие, процесс, событие, состояние, свойство — и указала на их связи с лексическими функциями [Падучева 1991], а позднее описала принципиальные отличия аспектуальной семантики отглагольных имен существительных от аспектуальной семантики глагола [Падучева 2014]. Цзяхуа Джан предложил сразу несколько аспектуально ориентированных классификаций отглагольных имен действия, основанных на семантической, лексической и грамматической интерпретациях категории аспектуальности [Чжан 2007]. А. Г. Пазельская разработала классификацию предикатных имен, содержащую 10 аспектуальных классов, различающихся семантикой и поведением в перфективном и имперфективном контекстах [Пазельская 2003]. Интересные и важные наблюдения содержатся также в работах [Ремчукова 1997; 2007; Зализняк 2007, Татовосов 2008; 2014; Мионов 2008; Dickey 2000]. Безусловным достижением этих исследований является объяснение многих функционально-семантических особенностей отглагольных существительных, усовершенствование словарной семантизации их аспектуальных компонентов. Однако до сих пор не получено полных, точных и непротиворечивых ответов на вопрос о границах аспектуальности славянского имени действия, его аспектуальном семантическом потенциале, о причинах ограничений на его образование. В частности, сохраняют актуальность следующие вопросы:

- 1) какие аспектуальные значения отглагольное имя действия выражать может, а какие — нет?
- 2) почему далеко не от всех русских глаголов может быть образовано имя действия?

3) почему во многих других языках — в частности, в английском, немецком, арабском, иврите, во многих тюркских — имена действия образуются почти без ограничений, а в родственных украинском, польском, чешском, словацком — намного более регулярно, чем в русском?

Вызывает вопросы и такое соотношение: если мы сравним количество русских одиночных (то есть не имеющих никаких однокоренных образований) ОИД, образованных от глаголов НСВ Imperfectiva tantum (*водить* → *вождение*, *жужжать* → *жужжание*, *прицеливать* → *прицеливание*), и количество одиночных ОИД, образованных от глаголов СВ Perfectiva tantum (*промедлить* → *промедление*, *исхудать* → *исхудание*), то обнаружим, что в первой группе существительных в 10 раз больше, чем во второй (согласно нашей картотеке, более 400 и 34 ОИД, соответственно). Далее, если сравнить такие же одиночные ОИД, образованные от парновидовых глаголов СВ и НСВ, то соотношение окажется сходным: около 430 ОИД от глаголов НСВ: *угасать* (СВ *угаснуть*) → *угасание*, *долечивать* (СВ *долечить*) → *долечивание*), — и около 40 ОИД от глаголов СВ (*согрешить* (НСВ *грешить*) → *согрешение*, *завоевать* (НСВ *завоевывать*) → *завоевание*).

Мы сопоставили также общее количество русских отглагольных имен действия, которые словообразовательно и семантически соотносятся только с глаголами определенного вида (без учета других факторов), результат оказался следующим: от глаголов СВ — около 470 ОИД, от глаголов НСВ — около 2500. Остальные имена действия (около 2300 слов) имеют двойную мотивацию (СВ / НСВ) или образованы от двувидовых глаголов.

На первый взгляд, такой количественный дисбаланс можно объяснить тем, что у имен существительных категории вида нет, поэтому маркированный член видовой оппозиции — глагол совершенного вида — образует их очень неохотно, причем это не зависит от наличия у него пары НСВ. Но с этой гипотезой плохо согласуется тот факт, что от таких глаголов СВ, как *переделать*, *побелить*, имена действия образуются (*переделка*, *побелка*), а от таких, как *порисовать*, *повспоминать* или *перещеловать* — нет. При этом в близкородственных языках — украинском и польском — ситуация, во всяком случае на первый взгляд, иная. Мы полагаем, что привлечение к анализу материала польского и украинского языков поможет приблизиться к решению этой проблемы. «Сама установка на сравнение разных языков в тео-

ретическом плане очень важна: она позволяет, пусть даже имплицитно, перейти от внутриязыковой логики поиска «противопоставлений» и «системной значимости» к логике поиска универсалий и опоры на (общую для всех языков) субстанцию» [Плунгян 2001: 80]. Возможно, ответы на эти вопросы лежат в плоскости категориальных онтологических свойств имени и глагола — и тогда сравнение материала разных языков должно выявить какие-то общие для них особенности.

Иным вариантом объяснения выявленной лакуны может быть интерпретация ее как проявления грамматической избирательности: «в пределах данного семантического пространства язык «избирает» отдельные значения <...> При этом разные языки могут по-разному осуществлять такой выбор, относя выражение части значений к области лексики и контекста» [Бондарко 2013: 17]. Если это полностью верно применительно к нашей сфере, то вполне вероятно, что мы не обнаружим каких-либо значимых общих семантических закономерностей, аспектуально обусловленных запретов или предпочтений в образовании отглагольных имен действия в исследуемых языках. Выбор языков вызван тем, что они имеют системную соотносительность словообразовательных моделей в сфере глагола, но при этом демонстрируют ряд заметных различий: польские и украинские имена действия несравненно более регулярно, чем русские, образуют видовые пары и в некоторых грамматиках включаются в парадигму глагола.

Стремление понять, как устроены отглагольные имена действия с точки зрения их аспектуальной семантики, почему от одних глаголов они образуются, а от других — нет, есть ли такие аспектуальные признаки, которые ни при каких условиях не могут быть выражены в отглагольных именах действия, и побудило нас к исследованию, результаты которого изложены в этой книге.

Книга состоит из пяти глав. Первая посвящена построению теоретических основ исследования; в ней описаны различные подходы к проблеме семантического и прагматического соотношения глагола и отглагольного существительного, рассмотрены важные для дальнейшего изложения спорные вопросы, связанные с функционально-семантической категорией аспектуальности и грамматической категорией вида. Вторая глава посвящена изучению аспектуальных свойств русских ОИД. В начале главы предпринят обзор исследований, связанных с аспектуальностью славянских имен действия, описаны раз-

личные аспектуально ориентированные классификации последних. Далее в отдельных параграфах представлены деривационные особенности ОИД, степень влияния на аспектуальную семантику ОИД унаследованных глагольных суффиксов и префиксов, а также транспозиционных суффиксов. Детально исследовано, какие глагольные аспектуальные семантические признаки могут наследоваться русским отглагольным именем, а какие налагают запрет на субстантивацию глагола. Глава завершается размышлениями о возможных семантических причинах распада именных «видовых» пар в процессе развития русского языка. В главе 3 рассмотрены аспектуальные особенности отглагольных имен действия в украинском языке: их грамматический статус в словарях и грамматиках, деривационные особенности, роль аффиксов в формировании их аспектуальной семантики, аспектуально-семантические ограничения на их образование. Четвертая глава целиком посвящена анализу польских отглагольных имен действия: их грамматическому статусу, деривационным особенностям. На основании сплошного анализа корпусных данных устанавливаются аспектуально-семантические «лакуны» — довольно обширные группы польских отглагольных имен, которые являются скорее потенциальными, чем реальными языковыми единицами. В главе 5 на основе наблюдений и фактов, изложенных в предшествующих главах, обосновывается связь между содержательным типом предела глагольного действия и возможностью образования отглагольного имени. В заключении обобщаются основные результаты работы, формулируются теоретические выводы и намечаются возможные направления дальнейших исследований.

Эмпирической базой исследования послужили корпуса и толковые словари русского, украинского и польского языков, а также примеры разножанровых речевых употреблений ОИД из картотеки автора. Источниками материала для исследования русских имен действия послужили: Словарь современного русского литературного языка (в 17 т., 1948—1965), Словарь русского языка (в 4 т., 1981), Национальный корпус русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>). Украинские имена действия исследовались на основе сплошной выборки из «Словника української мови» (в 11 т., 1970—1980), «Корпуса текстів української мови» (<http://www.mova.info/corpus.aspx>), содержащего около 13 млн словоупотреблений. Для изучения

аспектуальных свойств польских отглагольных имен были привлечены данные словарей «Słownik języka polskiego» под ред. В. Дорошевского (1958–1968/2000) и «Uniwersalny słownik języka polskiego» под ред. С. Дубиша (2003). Источниками приводимых иллюстраций послужили корпуса польского языка: «Narodowy Korpus Języka Polskiego» (<http://pkjp.pl/>, около 250 млн словоупотреблений), «Korpus Języka Polskiego Wydawnictwa Naukowego» (<http://korpus.pwn.pl/>, 100 млн словоупотреблений) и «Korpus Instytutu Podstaw Informatyki PAN» (<http://korpus.pl/poliqar/poliqar.php>, около 200 млн словоупотреблений).

Выражаю самую глубокую благодарность моему научному консультанту *Марии Дмитриевне Воейковой* и моим уважаемым рецензентам *Андрею Николаевичу Соболеву* и *Ежи Бартминьскому*, без поддержки, ценнейших советов и рекомендаций которых эта книга не увидела бы свет.

Благодарю *Е. Я. Титаренко* за деятельную помощь, дружеское участие и содержательные советы при работе над текстом рукописи.

Моя искренняя признательность *В. П. Мусиенко*, благодаря которой много лет назад я заинтересовалась проблемой имплицитной категории вида в отглагольных именах действия и под руководством которой была выполнена моя кандидатская диссертация.

Я благодарна судьбе за то, что мне выпала счастливая возможность научного общения с замечательным ученым, создателем теории функциональной грамматики *Александром Владимировичем Бондарко*, за возможность обсуждения с ним на семинарах по функциональной грамматике и в частных беседах идей, которые легли в основу этой книги. В течение всех лет работы над книгой меня поддерживали сотрудники отдела теории грамматики Института лингвистических исследований РАН: *Я. Э. Ахапкина*, *М. Я. Дымарский*, *В. В. Казаковская*, *И. В. Недялков*, *М. А. Овсянникова*, *П. А. Оскольская*, *Д. Н. Сатюкова*, *И. Н. Смирнов*, *Е. Г. Сосновцева*, *А. Ю. Урманчиева*, *С. Н. Цейтлин*, — их помощь бесценна.

Пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность всем, кто в разное время помогал мне в работе над польским материалом: *Р. Гжегорчиковой*, *М. Лазинскому*, *С. Небжеговской-Бартминьской*, *Л. В. Потапенко*.

Искренне признательна *М.Д. Гинзбургу* и *С.А. Крылову* за неоценимую и очень своевременную информационную помощь.

Огромную роль сыграла возможность обсуждения различных фрагментов исследования на научных конференциях: вопросы и советы моих уважаемых коллег и единомышленников *Е.В. Петрухиной*, *С. Дики*, *А. Барентсена*, *Е.Н. Ремчуковой*, *О.Г. Ровновой*, *К.А. Роговой*, *С.О. Соколовой*, *О.М. Лецака*, *Ю.Л. Ситько* во многом помогли мне сформировать концепцию этой работы.

Я благодарна всем моим коллегам и сотрудникам, особенно — преподавателям кафедры украинского языка и общего языкознания Черкасского государственного технологического университета за их постоянную поддержку и участие.

Спасибо моим студентам-лингвистам за помощь в обработке словарных данных.

Особая благодарность моей семье: маме Тамаре Григорьевне Пчелинцевой, папе Эдуарду Михайловичу Пчелинцеву, мужу Евгению и сыну Богдану за их веру в меня, за вдохновение и силы, за их неизменное терпение и заботу. Без них не было бы этой книги.

ГЛАВА 1

ИМЯ ДЕЙСТВИЯ КАК ОСОБЫЙ РАЗРЯД СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

1.0. Вступительные замечания.

Объект исследования

Термины отглагольное имя, имя действия трактуются в лингвистической литературе различно, поэтому конкретизируем объект исследования. Отглагольные имена в славянских языках не всегда актуализируют значение процессуальности, у них могут развиваться предметные значения, например: *топка* — 1. *Действие по значению глагола топить*¹. 2. *Часть печи или котла, где сжигают топливо* [МАС, т. 4: 382]). Уже давно было замечено, что эти предметные значения возникают не случайным образом, они актуализируют потенциальные компоненты синтаксического окружения производящих глаголов, например, значение субъекта (*командование, управление*), объекта (*перевод, посылка*), результата (*изобретение*), средства (*вооружение*), места (*вход, выход*), см. об этом, например: [Казаков 1993: 103]. Такое «опредмечивание» отглагольных имен непосредственным образом отражается на их грамматических свойствах, так как «использовать глагольное слово со всеми признаками процессуальности в качестве обозначения какого-либо предмета можно только при одном условии — лишив его этих свойств или, по крайней мере, нейтрализовав те из них, которые противоречили бы его предметному восприятию» [Уфимцева 1977: 63]. Поэтому нас интересуют только те отглагольные имена (или отглагольные имена в тех лексических значениях), которые сохранили глагольные процессуальные значения в более или менее исходном виде, то есть отгла-

гольные имена действия. Признаком, по которому мы отграничиваем эту группу отглагольных имен, является, в первую очередь, способ их представления в словарях с помощью отсылки к глаголу, с которым у них сохраняется формально-семантическая связь. Признак этот, по сути косвенный, является внешним проявлением реального содержания — внутреннего, сущностного признака тесной связи ОИД с соответствующим глаголом. Отсылочный принцип толкования ОИД в словарях реализуется в такой форме: для русских ОИД — «действие по значению глагола...», аналогично для украинских ОИД «дія за значенням дієслова...». Польские ОИД представлены в словарях двумя способами в зависимости от степени развития у них вторичных значений: большая часть ОИД (подробнее об этом см. главу 4) указаны прямо в словарных статьях соответствующих глаголов (такой подход реализован в [USJP]), а те, которые приобрели дополнительные субстанциональные значения, описаны в отдельных статьях, но первая позиция в их дефиниции обычно формулируется так же, как в русских и украинских словарях: «rzecz. od ...» ‘сущ. от ...’ — с указанием конкретного глагола, от которого образовано это имя. Мы рассматриваем оба типа польских ОИД.

Кроме опоры на словарные данные, критерием включения девербатива в круг изучаемых объектов является его сочетаемость с любым из аспектуальных показателей (их список приводится в подразделе 2.3.). Например, значение ОИД *трусца* определяется в МАС не через словообразовательно-семантическое соотношение с соответствующим глаголом *трусить*² (1. *Бежать мелкой рысью* <...> [МАС, т. 4: 420]), а в отдельной словарной статье (*Неторопливый бег, мелкая рысь* <...> [МАС, т. 4: 419]). Тем не менее, возможность образования словосочетаний типа *продолжительная, неспешная, медленная, 30-минутная трусца*, верифицируемая обращением к НКРЯ и другим источникам, рассматривается в качестве достаточного основания для включения слова в изучаемый материал.

С другой стороны, к категории имен действия относят не только существительные, мотивированные глаголами, но и неотглагольные имена с процессуальной семантикой, например, *дуэль, реклама* — и в них также обнаруживаются глагольные значения (см. об этом: [Коряковцева 1996; Вакарюк 1985; Казаков 1993; Лопатин 1987]). Такие неотглагольные существительные не являются предметом настоящего